

Юрина Марина Анатольевна

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ БЫТОВОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ
В РОМАНЕ В. Г. ТАНА-БОГОРАЗА "ВОСЕМЬ ПЛЕМЁН"**

В статье представлен вопрос о роли этнографических наблюдений В. Г. Тана-Богораза в его художественном творчестве. Рассматривается тематическое своеобразие малоизученного в современном литературоведении романа "Восемь племён", заложившего, наряду с другими произведениями писателя, ведущие традиции всей северо-восточной прозы XX века. Особое внимание при этом акцентируется на соотношении в произведении вымысла и реальности, функциях этнографической конкретики в изображении жизни древних северных народов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/62.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 221-223. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82(091)

Филологические науки

В статье представлен вопрос о роли этнографических наблюдений В. Г. Тана-Богораза в его художественном творчестве. Рассматривается тематическое своеобразие малоизученного в современном литературоведении романа «Восемь племён», заложенного, наряду с другими произведениями писателя, ведущие традиции всей северо-восточной прозы XX века. Особое внимание при этом акцентируется на соотношении в произведении вымысла и реальности, функциях этнографической конкретики в изображении жизни древних северных народов.

Ключевые слова и фразы: палеолитический роман; художественная гипотеза; этнографизм; реалистическая достоверность; национальная самобытность; мифологическая модель мира; «романтический натурализм».

Юрина Марина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет
frigg@maglan.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ БЫТОВОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ В РОМАНЕ В. Г. ТАНА-БОГОРАЗА «ВОСЕМЬ ПЛЕМЁН»[©]

Творчество В. Тана-Богораза с самого начала привлекало живой интерес читателей, критиков и исследователей [1; 4; 5; 6; 7; 8; 10]. Между тем некоторые произведения писателя нуждаются в более детальном исследовании, особенно знаменитый роман «Восемь племён» (1902-1903) [2; 3], который получил в критике преимущественно общую оценку. А между тем это произведение относится к ведущим, знаковым в творчестве автора, оно отмечено оригинальностью замысла и творческой манеры. Если предыдущие произведения В. Тана-Богораза, хотя и с изрядной долей художественной условности, основаны на достоверных фактах и реальных наблюдениях над жизнью северных народов, то содержание «Восьми племён» базируется главным образом на вымысле, фантазии художника, пытающегося зримо и убедительно представить доисторические времена. Эта особенность книги продиктована уже самим жанром палеолитического романа, к которому автор обратился, видимо, под впечатлением произведений Жоржа Рони-Старшего, оказавшего на В. Тана-Богораза большое влияние ещё в юношеские годы.

Тем не менее даже в таком, казалось бы, насквозь фантастическом повествовании писатель остаётся верен своему призванию этнографа и стремится с предельной долей научной достоверности обосновать свои предположения относительно «древней жизни Крайнего Северо-Востока Азии» [2, с. 21]. Недаром именно ко времени создания романа относится и один из самых плодотворных периодов жизни В. Богораза-учёного: будучи в Нью-Йорке, он не только успешно обрабатывал материалы Северо-Тихоокеанской экспедиции, но и создавал один из самых главных научных трудов своей жизни – исследование «Чукчи», которое впервые было опубликовано на английском языке [12], а впоследствии издано в России [9]. На этом фоне «Восемь племён» выглядит как своеобразная художественная гипотеза о доисторическом прошлом обитателей Севера.

При этом взгляд писателя простирается далеко за пределы уже изученного им региона: кроме уже известных ему обитателей Чукотки он представляет жителей других областей Дальнего Востока – Камчатки и Курильских островов. Стремление автора охватить наиболее широкий спектр северных национальностей отражено в самом названии романа: обозначение каждого из «восьми племён» представлено в примечаниях самого В. Тана-Богораза. Это коряки («оленеводы» и «поморяне»), юкагиры («племя Одул»), ительмены (камчадалы), курильцы («зверообразные Куру»), эскимосы («мореходы Юит»), ламуты, или эвены («Оленные Всадники»), чукчи («северные Танги») и стоящее особняком племя «Мышеедов», которое состоит из отщепенцев различных национальностей.

В. Тан-Богораз стремится многосторонне и как можно более достоверно показать особенности каждой народности, правдиво изображая подробности жизни древних племён. Он представляет их среду обитания, географическое расположение. Так, например, мореходы Юит – с неведомого севера; ительмены «являлись... с далёкого южного мыса» [3, с. 18], их земля «богата различными камнями» [Там же, с. 19]. С любовью говорит о своей родине Колхоч (ительмен и куру): «В нашем месте тепло... Пока доеду домой, сопки зазеленеют, в траве спрятаться можно, хохлячки свищут под скалами, везде цветы, как капли жертвенной крови, как радуга, как солнечный луч... А море? Без лодки – полчеловека!.. Пускай волны, прибой, у нас пристани. Гонись в байдарке бобра, и сам не хуже водяного зверя» [Там же, с. 57]. Люди Одул – вечные странники, лёгкие, как ветер. Они не любят одного места и постоянно кочуют. Их нрав лёгок и ветрен.

Тан-Богораз описывает и самобытные жилища народностей. Оленеводы ставили походные шатры (яранги), они «отАборились в большом кругу саней, соединённых стоймя» [Там же, с. 20]. Поморяне «выгребли яму в снегу». Племя одул жило в шалашах, по словам Гиркана, их жильё было всегда свежим и чистым. Они не признавали и всякого рода порабощения – даже животных не приручали, считая их свободными существами. Ительмены же, по признанию Колхоча, делали себе жилища в скалах, как птицы.

Показывает автор и разнообразные способы передвижения племён. Например, поморяне ездят на собаках, с «тяжело нагруженными нартами», оленеводы и олени всадники передвигаются с помощью оленей, охотники из племени Одул – пешие, они любят бегать на лыжах по искрящемуся снегу.

Реалистично представлен в романе ряд товаров, которые привозились племенами для обмена. Характер разнообразных предметов торга, описанных автором, обусловлен спецификой труда, богатствами земли, на которой обитает то или иное племя, и даже его соседством с другими, более развитыми странами. Так, например, если «оленеводы приносили шкуры молодых оленей» и вкусное мясо «жирных оленьих быков», а «береговые» – «шкуры нерп и больших тюленей, моржовые ремни, китовину, огромные мешки, налитые смешанным китовым, моржовым и тюленьим салом», то «ительмены, земля которых богата различными камнями, привозили берестяные коробки, наполненные наконечниками стрел... связки больших копий и маленькие топоры» [Там же, с. 19] из кремния и обсидиана. В то же время «мохнатые Куру», жившие в благоприятных природных условиях, вели торговлю с располагающимися поблизости более развитыми восточными народами (по примечанию писателя, японцами), уже освоившими производство железа. Поэтому Куру могли похвастаться некими «сладкими съедобными клубнями» и «блестящими иглами, которые ценились по шкуре за иглу, так как были крепче костяных и не стачивались от шитья» [Там же, с. 19-20].

Самобытна, отмечена национальной принадлежностью, обусловлена средой обитания и образом жизни внешность людей разных племён. Ительмены – «приземистые и широколицые, в одеждах, пёстро сшитых из серых собачин, пятнистых птичьих шкурок и чёрных соболей» [Там же, с. 18], курильцы – «зверообразные... мохнатые, как медведи, с выпученными глазами, как у злого духа Ивметуна, дающего падучую болезнь» [Там же, с. 18-19]. Мореходы Юит – «в балахонах из моржовых кишок, украшенных птичьими хохолками. Отец Кутх вдавливает им при рождении носы внутрь, а они пробивают себе щёки и вставляют туда костяные пуговицы» [Там же, с. 19].

Суровые условия неприветливого Севера, необходимость титаническими усилиями добывать себе пропитание послужили почвой развития у местных народов выдающихся физических качеств: силы, выносливости, ловкости. Они с детства приучены к быстрому бегу и состязанию. Этому соответствует и характер разнообразных игр и соревнований на ярмарке. Так, люди Юит устраивают «торговую пляску», которая «должна была продолжаться до полного истощения сил всех участников». Танги затевают прыжки на моржовых шкурах, все племена принимают участие в состязании на копьях и борьбе, а также соревнованиях в беге. Такими играми ярмарка открывается, ими же она заканчивается в знак уважения к Хозяину Чагарского поля: «Скачки перемежались разнообразными играми, чехардой и прыжками через шест, плясками...» [Там же, с. 56].

Богатство этнографических зарисовок мастерски сочетается у В. Тана-Богораза с общей романтической приподнятостью повествования, усиленной поэтической возвышенностью лексики и эмоциональностью синтаксиса. Некоторые страницы романа живо напоминают произведения предшественников автора, таких, например, как Н. В. Гоголь. В. Богораз словно вторит гоголевским романтическим описаниям Запорожской Сечи из «Тараса Бульбы», когда даёт почти идентичную по стилю и речевым оборотам характеристику первобытного века: «То был век постоянных состязаний, которые составляли главную утеху жизни предпочтительно даже пред войною, ибо она преследовала материальные цели, питалась случайностями и даже не всегда давала возможность проявить всю красоту ловкости и грациозности силы» [Там же, с. 30]. Однако подобных «заимствований» в романе немного, и в целом писатель остаётся верен своей оригинальной творческой манере, сочетающей стремление к художественному обобщению и пытливость этнографического наблюдения.

Самобытность северных народов проявляется и в самом характере и составе жертвоприношения хозяину Чагарского поля, на котором ежегодно устраивается Великий торг, – Морскому Раку Авви. «Оленеводы» преподносят ему в дар оленей, поморяне – щенков, ительмены, юкагиры, эскимосы и эвены совершают более замысловатые магические обряды с помощью сакральных предметов, а порой и перед различными идолами. Автор показывает, что, несмотря на различный характер ритуальных действий, все племена находятся на ранней стадии мифологического мышления. Об этом свидетельствуют их рассказы о самом Авви как о боге «сердитом и могущественном», который «некогда при столкновении с отцом сухой земли, Вороном Кутхом... затащил его в глубину и отпустил на волю только в обмен на молодую дочь Кутха...» [Там же, с. 16-17].

Наивные первобытные представления северных народов о мире переданы и в антропоморфных поверьях о том, как животные признают и соблюдают порядки, установленные Авви: «Если в пору любви два оленя с ветвистыми рогами собирались решать спор о молодой и гладкошёрстной важенке, они должны были для этого удалиться на другие свободные места. Безначальные стаи песцов... убежали на половину дневного перехода подрались из-за добычи, потом возвращались обратно... <...> В половине лета медведь совершал жертву корнями сараны, лисица – кровью молодого зайца, и даже тонкий горностаи приносил с большим трудом тело полевой мыши... Только совершив жертву, они могла селиться на берегах реки...» [Там же, с. 17].

Автор вводит читателя в мир духовной культуры первобытных северных племён также посредством скрупулёзных описаний древних обрядов колдовства. Так, например, он наполняет свежим содержанием, насыщает новыми подробностями заявленную ещё в повести «На Каменном мысу» тему шаманизма, изображая камлания представителей различных народностей. В данном аспекте особенно выделяется образ чукотского шамана Ваттувия, магическое пение которого навевало на слушателей мистический ужас. Писатель показывает и практическую пользу таких шаманов, как Ваттувий, выполняющих, в сущности, функцию врачей и своеобразных психологов: чукотский колдун «вылечивал даже собак и оленей от самых разнообразных болезней, предсказывал степень обилия дичи и размножения домашних оленей, давал женщинам лекарства от бесплодия и девушкам приворотные корешки для привлечения молодых парней» [Там же, с. 26].

Ваттувий мог прибегнуть и к настоящему волшебству: с натуралистическими подробностями автор изображает сцену «добывания» шаманом и его племянником Ваттаном предметов для магического амулета, призванного одурманить и «присушить» чукотскую красавицу Мами. При описании этого магического действия В. Богораз явно использует материалы, позднее включённые в его этнографическое исследование «Чукчи»,

где скрупулёзно зафиксирован ритуал создания «амулета порчи»: «С трупа, незадолго до того вынесенного на тундру, снимают частицу мяса. Человек, проделывающий это, приходит к трупу ночью. Он останавливается на некотором расстоянии, раздевается донага и затем, изображая лисицу... подползает на четвереньках к трупу... В зубах он держит нож... Иногда мясо человеческого трупа достают без ножа, просто отрывают кусок мяса зубами. Это значительно увеличивает силу порчи» [9, ч. II, с. 152-153].

В романе показаны различные типы шаманов: Ваттувий принадлежал к добрым, «белым» колдунам, в отличие, например, от злого Койгинта, заставившего людей отдать разгневанным богам девочку, спасшуюся от вероломных Мышеедов. Автор показывает, что к подобным обрядам северные народы прибегали крайне неохотно, предпочитая жертвовать богам более безобидным способом: лучшими оленями, собаками и т.п. Однако сам факт гибели девочки по указанию шамана свидетельствует о том, что коренное население региона в первобытные времена не чуралось человеческих жертвоприношений.

В произведении звучат разнообразные заговоры и клятвы, сопровождающие как магические действия, так и подготовку к охоте или битве. Читатель романа получает представление и о песнях северных жителей, таких, например, как «старинная песня или легенда» Маами. Всё это дополняется различными поговорками и пословицами, не только иллюстрирующими богатство фольклора северных народов, но и раскрывающими взгляды ведущих персонажей. Например, Маами с насмешкой противопоставляет Ваттану ловкого и подвижного Гиркана: «Если медведь на ногах, то сокол на крыльях» [3, с. 91]. Сам Гиркан так передаёт своё мироощущение: «Все горы – мои горы, и тундра – моя тундра» [Там же, с. 92]. Он даёт туманные обещания верности Маами, используя пословицу, в которой человеческая жизнь сравнивается с миром животных: «Когда дикому волку надоест шляться на воле, он возвращается к волчихе!» [Там же, с. 94]. Мы видим, что жанровые формы фольклора северных народов основаны на приёме психологического параллелизма, что поэтически сближает их с устным народным творчеством многих других национальностей.

Творческая эволюция В. Тана-Богораза прослеживается от отражения непосредственных наблюдений за жизнью конкретных старожилов Севера, попытки проникнуть в их духовный мир, объяснить своеобразие их менталитета до широкой художественной характеристики целой палеоазиатской общности в её историческом развитии. Палеолитический роман потребовал от автора концентрации всего его научного, жизненного опыта, вобрал в себя и ведущие черты его художественного дара. Его строки вдохновили многих последователей. Так, в частности, известный чукотский прозаик Ю. Рытхэу, без сомнения, во многом ориентировался на художественный опыт своего «духовного учителя». В «современной легенде» «Когда киты уходят» так же, как и у основоположника северо-восточной прозы, «реальная действительность тесно сопрягается с фантастическими образами, мифологическими параллелями» [11, с. 216], органично сочетаясь с лирико-романтическим пафосом. Вопрос «романтико-натуралистического» художественного метода В. Г. Тана-Богораза, определившего почти весь дальнейший ход развития северо-восточной прозы, требует особого, более детального изучения.

Список литературы

1. Богданович А. Н. Тан. Чукотские рассказы // Мир божий. 1900. № 2. Отд. 2. С. 82-83.
2. Богораз В. Г. Восемь племён: северная проза. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 270 с.
3. Богораз-Тан В. Г. Восемь племён: романы и повесть. Хабаровск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1991. 400 с.
4. Бондаренко Т. П. Северо-восточный цикл путевых очерков В. Г. Тана-Богораза // Проблемы литературных жанров: материалы 4-й науч. межвуз. конф. (28 сент. – 1 окт. 1982 г.). Томск, 1983. С. 85-86.
5. Бондаренко Т. П. Творчество В. Г. Тана-Богораза, 1890-1907 гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1984. 17 с.
6. Воскобойников М. В. Г. Тан-Богораз и его литературное наследие // На Севере Дальнем. 1956. Кн. 5. С. 194-197.
7. Короленко В. Г. Тан. Чукотские рассказы // Русское богатство. 1900. № 5. Разд. III. С. 20-24.
8. Кулешова Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск: Изд-во БГУ, 1975. 112 с.
9. Тан-Богораз В. Г. Чукчи: в 2-х ч. / авторизованный перевод с английского. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. Часть I. Социальная организация. 192 с.; Часть II. Религия. Л.: Издательство Главсевморпути, 1939. 196 с.
10. Шпрыгов Ю. М. Молодость Дальнего Севера: Чукотка в советской художественной прозе. М.: Современник, 1984. 320 с.
11. Юрина М. А. Черты неоромантизма в «современной легенде» Ю. Рытхэу «Когда киты уходят» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39). Часть I. С. 214-217.
12. Bogoraz W. The Chukchee. Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Leiden – N. Y.: E. J. Brill; G. E. Stechert, 1904-1909. 753 p.

ARTISTIC REPRESENTATION OF AN EVERYDAY AND RELIGIOUS LIFE OF THE NORTHERN PEOPLES IN THE NOVEL BY V. G. TAN-BOGORAZ “EIGHT TRIBES”

Yurina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
frigg@maglan.ru

The article discusses the role of V. G. Tan-Bogoraz's ethnographic observations in his creative activity. The paper considers the thematic originality of the poorly investigated in the modern literary criticism novel “Eight tribes” which laid, among the other works of the writer, the basic traditions of the whole north-eastern prose of the XX century. The author focuses on the correlation of fiction and reality in the literary work, functions of ethnographical specifics on depicting the life of the ancient northern peoples.

Key words and phrases: Palaeolithic novel; artistic hypothesis; ethnographism; realistic reliability; national identity; mythological world model; “romantic naturalism”.